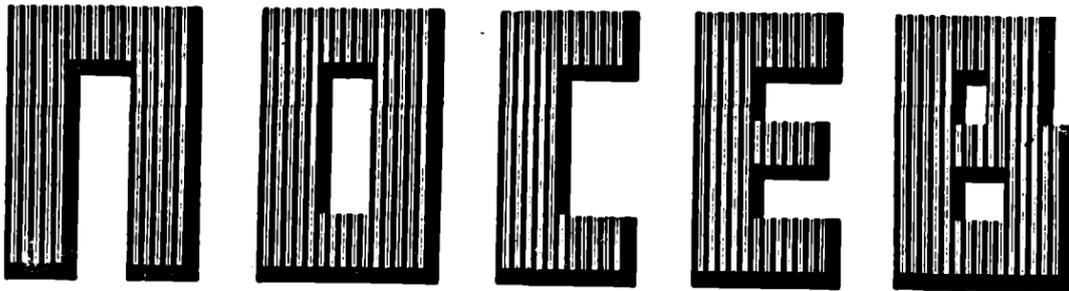

ГОД ИЗДАНИЯ XIV
№ 32 (639)ВОСКРЕСЕНЬЕ
10 АВГУСТА 1958ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 14 Nr. 32 (639)

Russische Wochenzeitung · POSSEV-Die Aussaat · Frankfurt M., Merlanstr. 24 a

Sonntag 10. 8. 1958

Авантюристы „ищут выхода“ . . .

По поводу встречи Хрущева с Мао Цзэ-дуном

Хрущевское бряцание оружием в связи с событиями на Ближнем Востоке сменились нервными и беспорядочными метаниями руководства КПСС, наиболее верное объяснение которым — противоречия внутри руководства КПСС и в «социалистическом блоке», серьезная потеря советским руководством собственного престижа и стремление найти выход для его поднятия.

Одним из главнейших событий в этом плане была внезапная поездка Хрущева в сопровождении министра обороны Малиновского, и. о. министра иностранных дел Кузнецова и члена ЦК КПСС (руководящего работника отдела ЦК по связям с «братскими» компартиями) Пономарева в Пекин для встречи с Мао Цзэ-дуном. Коммюнике о встрече Хрущева и Мао Цзэ-дуна, состоявшейся с 31 июля по 3 августа.

Несомненным следствием этой встречи был повый и весьма непоследовательный вольт Хрущева в переписке с руководителями западных держав. Хрущев отказался от прежнего своего согласия на обсуждение вопроса о кризисе на Ближнем Востоке в рамках Совета Безопасности (западные державы предлагали собрать Совет Безопасности с участием глав правительств 12 августа) и сделал новое предложение — поставить вопрос о кризисе на Ближнем Востоке на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН.

Почти одновременно (5 августа) в центральных газетах опубликована беседа Хрущева с индийскими журналистами (происходившая 29 июля), в которой Хрущев значительно охладил свой пыл. Спасая свой престиж и делая хорошую мину при плохой игре, Хрущев стремится представить дело таким образом, что собственно он никогда и не заявлял, что мир — на грани войны, что, наоборот, именно советское правительство не поддается на провокации. Это нашло свое отражение в вопросе журналиста Джаджит Сипх Ананда, видимо сформулированном самим Хрущевым или по его просьбе, и в ответе Хрущева на него.

«Народ Индии — сказал Ананд — с большой признательностью оценивает позицию Советского Союза в настоящее время по вопросу о положении на Ближнем Востоке и с большой признательностью рассматривает то, что Советский Союз, с одной стороны, проявляет твердость и, с другой стороны, не поддается на провокации... Каковы по вашему мнению перспективы развития международных отношений?»

«Сейчас — ответил Хрущев — лучше подождать с определением перспектив, потому что отношения между государствами находятся в кризисном состоянии... Нам, политикам, нужно сейчас какое-то время, чтобы определить, куда пойдет процесс развития международных отношений — к худшему или к лучшему. Я, однако, убежден, что организм настолько здоров (я имею в виду под этим силы, борющиеся за мир), что он одолеет колонизаторские бактерии. Миротворческие народы дадут отпор воинствующим колонизаторам, агрессоры вынуждены будут считаться с силами, стоящими за мир, против войны и колониализма».

Это уже очень далеко от первоначальных истерических воплей Хрущева о том, что «мир — на грани войны», что «мы не потерпим», и т. д.

Поджигательские, воинственные высказывания и «послания» Хрущева в

первые дни ближневосточного кризиса, его чревовещания, что над миром сгустились тучи войны и война может разразиться в любую минуту, как теперь очевидно, во многом носили элементы столь типичных для Хрущева блефа и шантажа. Запугивая мир своими воинственными криками, Хрущев, используя момент, стремился к своей заветной цели — заставить руководителей западных держав сесть с ним за один стол с повесткой, угодной руководству КПСС.

Страна была повергнута хрущевским размахиванием руками в состояние трепки нервов и смятения. По сообщениям из России, всюду в стране, а особенно в Москве, в Ленинграде и других крупных городах из магазинов были расхвачены и исчезли из продажи соль, керосин, сахар, спички.

Опасное блефирование Хрущева, видимо, вызвало противодействие в какой-то более трезвой и реалистической части военных кругов, способной к анализу соотношения сил и последствий авантюристической политики, и, вероятно, в части самого руководящего слоя КПСС.

Но, конечно, в охлаждении хрущевского воинственного пыла особо значительную роль сыграла твердая позиция западных держав, не плохо разгадавших шантажистскую поведку нынешней советской правящей клики. Иностранные газеты пишут, что был вечер, когда генералу де Голлю доложили о том, что получено спешное «послание» Хрущева, в котором он требует немедленного созыва конференции глав правительств и не ручается за то, что война не вспыхнет в каждую минуту. Генерал де Голль ответил лаконично: «Прочитаю завтра».

Президент Эйзенхауэр также остался в полном спокойствии. Прогрессирующая твердость его позиции и его нервов нашла яркое отражение в его ответе на послание Хрущева от 28 июля, как известно, отличавшегося весьма возбужденным тоном и содержащего резкие обвинения США в агрессии на Ближнем Востоке, в колониализме и прочих грехах, которые-де поставили мир «на грань войны». В своем ответе, врученном в Москве 1 августа (опубликованном в советской печати 6 августа) Эйзенхауэр откровенно намекает на неприемлемый тон хрущевских посланий. В числе другого ответ Эйзенхауэра содержит вопрос: согласен ли Хрущев с тем, что малые державы, заинтересованные в вопросе, должны участвовать в обсуждении и решении стоящих проблем? В связи с этим Эйзенхауэр пишет: «Вы, в сущности, предлагаете, чтобы мы присоединились к вам в проведении политики, напоминающей систему политического господства, которую вы навязали в Восточной Европе». По поводу Ближнего Востока Эйзенхауэр выразил мысль, что малым странам этого района больше угрожает косвенная агрессия, а не агрессия со стороны США. Выразив согласие на встречу в рамках чрезвычайного

заседания Совета Безопасности 12 августа, Эйзенхауэр заявил, что он согласен проводить это заседание в любом месте, но не в Москве, и напомнил о «хорошо организованной (выделено нами. — Ред.) массовой демонстрации» перед зданием посольства США в Москве.

*

Увидев, что с блефированием сорвалось, Хрущев, пребывая в весьма растерянных чувствах, опрометчиво согласился на обсуждение вопроса в рамках Совета Безопасности (и сам предложил дату съезда глав правительств — 28 июля), не подумав о делах в «социалистическом блоке» и своем китайском партнере. Но, конечно, «непоследовательность» и «отступление» Хрущева взъярили Мао Цзэ-дуна, который все свои надежды на «прорыв» коммунистического Китая в ООН, на ликвидацию его международной изолированности и на преодоление растущих внутренних трудностей строит на постоянном обострении международной напряженности. При этом для Мао Цзэ-дуна было бы, конечно, совершенно непереносимо, что Хрущев в Совете Безопасности сел бы за один стол с Чан Кай-ши... Ультиматум Мао, видимо, был настолько решителен, что Хрущев должен был немедленно отправиться к «младшему брату» — с уговорами, или, быть может, с челобитной...

По возвращении из Китая, Хрущев в очередных «посланиях» Эйзенхауэру, Макмиллану и де Голлю (напечатаны в советских газетах 6 августа) отверг обсуждение ближневосточного вопроса в рамках Совета Безопасности, с участием глав правительств, аргументируя тем, что Совет Безопасности «в настоящее время... практически подчинен внешней политике США», что он «в его нынешнем составе не в состоянии сделать объективные выводы» и т. п. Но ведь только за десять дней до этого Хрущев соглашался ехать в Нью-Йорк и принять участие в заседании Совета Безопасности и тогда о зависимости Совета Безопасности от внешней политики США им не было сказано ни слова. Гоголевский Аксений Иванович Поприщин в своих бредовых мыслях был более последователен, чем в своих «посланиях» мечущийся в сетях собственных противоречий Хрущев...

*

Что же дальше?

К чему склонил Мао Хрущева? Как будет поправляться подорванный престиж «признанного главы социалистического лагеря», зарвавшегося в своем отчаянном шантаже?

Коммюнике о встрече Хрущева и Мао Цзэ-дуна, составленное в весьма туманных выражениях, ясного ответа на это не дает. В нем лишь, после обычных для такого рода «коммюнике» общих разглашествований об «империалистических агрессивных кругах» и «лагере мира», после «осуждения грубых агрессивных

действий США и Англии в районе Ближнего и Среднего Востока», после заявления, что СССР и КНР «решительно настаивают на немедленном выводе войск США из Ливана и войск Англии из Иордании», заявляется:

«В результате всестороннего обмена мнениями по ряду важнейших вопросов, встающих перед обеими сторонами в Азии и Европе в связи с современной международной обстановкой, достигнута полная договоренность относительно мероприятий, которые должны быть предприняты для борьбы против агрессии и для сохранения мира».

Пока «мероприятия» выразились в предложении Хрущева созвать чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи ООН «для обсуждения вопроса о выводе войск США из Ливана и войск Великобритании из Иордании» и в оживлении боевой деятельности войск коммунистического Китая против островов национального Китая, находящихся у китайского материка.

США, Великобритания, Франция уже заявили, что они не возражают против обсуждения вопроса на Генеральной Ассамблее. Но в какой формулировке будет принят ими для обсуждения этот вопрос? По сообщениям из Вашингтона, там, например, считают, что на Генеральной Ассамблее должна быть также рассмотрена жалоба Ливана на вмешательство ОАР в его внутренние дела. Трудно представить, чтобы западные державы оказались настолько политически вялы и бесхребетны, чтобы не поставить и вопроса о невыполнении советским правительством решения о выводе советских войск из Венгрии.

На что рассчитывают советские и китайские коммунистические руководители, делая ход с вынесением ближневосточного вопроса на Генеральную Ассамблею ООН? Едва ли они всерьез надеются на то, что соберут две трети голосов для своей резолюции и таким образом сведут на нет резолюцию ООН о Венгрии и поправят свой сильно подорванный безответственно-авантюристическим блефированием Хрущева престиж.

Можно полагать, что Хрущев выторговал у Мао Цзэ-дуна это «мероприятие» с тем, чтобы получить некоторое время для выпутывания из своих внутренних противоречий и совместной подготовки каких-то новых зловещих авантур, в удовлетворение прежде всего воинственных вождельний китайского диктатора. Будет ли это выступление против Тайваня? Или против английских «колонизаторов» в Гонконге?..

Или все-таки на Ближний Восток будут двинуты «добровольцы»?

Для нашего народа факт состоит в том, что еще раз обнаружилась неизменяемая природа нынешних временщиков с их отчаянным танцем «на грани войны», с их растущими внутренними трудностями и разбродом, делающим атомную войну зависящей от запальчивости какого-либо авантюриста. «Диалектика» разложения, гниения власти и режима привела к тому, что руководство КПСС уже вынуждено принимать диктат другой коммунистической тирании — тирании Мао Цзэ-дуна.

Но на что нашему народу интересы воинствующего коммунистического Китая? Эта мысль не может не приходиться в головы наших людей. И недаром, по информации из России, в народе явно растут настроения неприязни к «китайцам».

С авантюрами безответственной правящей клики КПСС можно покончить только победоносной народной революцией.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Н. Витов. Во имя чего? — Касьян Гушин. Не смажешь — не поступишь (вместо фельетона). — Л. Ф. На зеркало неча пенять... — Письмо из Москвы. О «белом» и «черном» ТАССе, о жизни «вождей» и другом. — Х. Х. Листовки «прилипают» к рукам. — Л. Федоров. Хрущев «открывает» новые кадры. — В. Майцев. Опозиционные течения в литературе национальных республик. — Михаил Балмашев. Честный разговор об актере. — А. Н. Облик V-ой Республики. — Р. Редлих. Антититотизм Мао Цзэ-дуна.